

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ГУГНИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЭЗИИ
Л. УЛАНДА

Ю.01.05. Литература стран Западной Европы, Америки
и Австралии

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА • 1976

Кафедра МЛК

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель – кандидат филологических наук,
доцент А.С. Дмитриев.

Официальные оппоненты:

- доктор исторических наук,
профессор К.С. Протасова,
- кандидат филологических наук
Е.И. Маркович.

Ведущее предприятие – Институт мировой литературы имени А.М. Горького, отдел зарубежной литературы.

Защита состоится "____" _____ 1976 г. на заседании специализированного совета (К-13/10) по истории зарубежных литератур в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Адрес: Москва, Ленинские горы, МГУ, корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке филологического факультета.

Автореферат разослан "____" _____ 1976 г.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА
ДОЦЕНТ

/КАСАТКИНА Л.М./

Поэтическое творчество Людвиг Уланда (1787–1862) занимает очень заметное место в историко-литературном процессе первой половины XIX века в Германии. Об этом свидетельствует не только огромная популярность сборника его "Песен и баллад"; пережившего свыше сорока прижизненных изданий, но и высокая оценка поэзии Уланда его выдающимися современниками: Шамиссо, Берне, Гейне, Эйхендорфом, Геббелем и другими. Современники нередко считали поэзию Уланда "кульминацией романтической лирики"¹ (Эйхендорф), обобщающим итогом творческой деятельности романтической школы в Германии² (Гейне) и, даже отводили ему место "первого поэта современности"³ (Геббель). Еще в начале XX века Уланда иногда ставили "рядом" с Гете или "после" Гете⁴.

После первой мировой войны читательский интерес к Уланду заметно снизился. В настоящее время буржуазные германисты нередко пытаются зачислить Уланда в разряд "poetae minores"⁵, малоактуальных для современности. На наш взгляд, такая "пере-

1. Eichendorff J. von. Sämtliche Werke, Bd. 9, Regensburg, 1970, S. 410.

2. См.: Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. М., 1958, т. 6, с. 264, с. 266, т. 7, с. 166. См. также статью: Гутнин А.А. "Швабская школа" и Л. Уланд в оценке Генриха Гейне. "Вестник МГУ. Филология", 1975, № 6.

3. Ф. Геббель предпослал полному собранию своих стихотворений в 1857 году следующее посвящение: "Первому поэту современности Людвигу Уланду с неизменным уважением".

4. Haag H. Ludwig Uhland. Die Entwicklung des Lyrikers und die Genesis des Gedichtes. Stuttgart und Berlin, 1907, S. 118.

5. Storz G. Schwäbische Romantik. Dichter und Dichterkreise im alten Württemberg. Stuttgart, 1967, S. 8.

оценка ценности", звучащая во многих зарубежных работах об Уланде, в гораздо большей степени объясняется общими научно-методологическими и общественно-политическими позициями современного буржуазного литературоведения, чем действительным несоответствием идейно-эстетических достоинств поэзии Уланда объективным историческим потребностям нашей эпохи.

Зачисление Уланда в разряд "мелких поэтов" является грубой фальсификацией историко-литературного процесса XIX века в Германии. Подобная фальсификация имеет по крайней мере два источника. С одной стороны, это — объективные противоречия политических взглядов, эстетики и художественного метода поэзии Уланда, по разному выражавшиеся в различные периоды его творческой деятельности и определившие специфику его контакта с читательской аудиторией. С другой стороны, это — полтора-вековая традиция изучения поэзии Уланда в буржуазном литературоведении, которое всегда стремилось сгладить и выпрямить в нужном ему направлении далеко не простой и не однозначный жизненный и творческий путь поэта.

В марксистском литературоведении пока нет крупной исследовательской работы, посвященной анализу поэзии Уланда. Тем не менее в общих очерках творчества Уланда, появившихся в последние десятилетия в ГДР⁶ и в Советском Союзе⁷, уже постав-

6. Uhland L. *Ausgewählte Werke*. Einleitung von M. Jakubietz. Leipzig, 1955; Schneider G. *Uhland und die Schwäbische Romantik*. In: Schneider G. *Studien zur deutschen Romantik*, Leipzig, 1962; Grohnert D. *Ludwig Uhland und der schwäbische Dichterkreis*. In: *Erläuterungen zur deutschen Literatur. Romantik*, Berlin, 1967; Uhland L. *Frühlingsglaube*. Hrsg. von U. Berger. Berlin, 1974.

7. Самарин Р.М. *Уланд и "швабская школа"*. История немецкой литературы, т. 3, М., 1966.

лен вопрос о демократическом характере политических убеждений и поэзии Уланда (Б. Лайзер⁸, Р.М. Самарин⁹) и даже о революционном романтизме ряда его произведений (У. Бергер¹⁰), намечен конкретно-исторический подход к определению места поэзии Уланда в историко-литературном процессе в Германии (Р.М. Самарин¹¹) и заложены основы научной периодизации его творчества¹². Однако эти проблемы поставлены и разрешены пока только в самой общей форме и не во всем убедительно.

Недостаточная изученность поэтического творчества Уланда не только затрудняет возможность в полный рост увидеть достоинства и противоречия поэзии Уланда в конкретно-исторической ситуации в Германии первой половины XIX века, но препятствует научному разрешению некоторых более общих литературоведческих проблем. Важнейшей из них представляется проблема так называемой "швабской школы", политически-тенденциозно трактуемая в буржуазном литературоведении и пока еще почти неизученная в литературоведении марксистском.

Буржуазному литературоведению (и не только литературоведению) легенда о большой, единой и истинно-национальной "шваб-

8. *Bibliographische Kalenderblätter der Berliner Stadtbibliothek*. 4 Jg. Folge II, November 1962, S. 4.

9. История немецкой литературы, т. 3, с. 200.

10. Uhland L. *Frühlingsglaube*. Hrsg. von U. Berger. Berlin, 1974, S. 272.

11. История немецкой литературы, т. 3, с. 200.

12. Там же, с. 249.

ской школе" поэтов необходима была прежде всего для создания оппозиции "космополиту" Гейне, для снижения огромного политического резонанса его творчества. Но полемика вокруг "швабской школы" никогда не смогла бы достигнуть такого широкого масштаба, если бы во главе этой достаточно искусственно составленной "школы" так же искусственно не был поставлен Л. Уланд, к тому времени уже получивший широкую международную известность. В условиях 1830-40 гг., когда в Германии происходил довольно заметный процесс классового и идеологического размежевания различных прослоек буржуазии, спор о "швабской школе" неизбежно должен был стать спором о дальнейших путях развития литературы, о новых направлениях ее политической и эстетической ориентации. Наконец, это был спор между отживающим уже романтизмом и в условиях Германии несколько замедленно формирующимся критическим реализмом. Все это заставляет относиться к полемике вокруг "швабской школы" серьезнее, чем она того на первый взгляд, казалось бы, заслуживает.

Эту проблему невозможно обойти и при изучении поэзии Уланда в историко-литературном контексте его эпохи, потому что вопрос о том, возглавлял ли Уланд "швабскую школу" и что такое на самом деле эта "швабская школа", не снят с повестки дня и по сегодняшний день. Термин прижился в литературоведении, хотя и используется, как правило, только в кавычках и с оговоркой - ми.¹³ Парадоксом в истории литературы является тот факт, что единственным человеком, решительно и совершенно недвусмысленно

13. Подробнее в статье: Гугнин А.А. О понятии "швабская школа" в немецком романтизме. "Филологические науки", 1976 (в печати).

протестовавшим против включения Уланда в каком бы то ни было качестве в состав "швабской школы", оказался сам Гейне. Влияние буржуазной концепции "швабской школы", широко представленной и в буржуазном академическом литературоведении, оказалось настолько действенным, что даже в советских изданиях Гейне, комментирующих "Романтическую школу" и статью "Швабское зеркало", а также стихотворения и поэмы, где Гейне упоминает Уланда и "швабскую школу", Уланд постоянно обозначается как глава "мещански-патриархальной", "реакционной"¹⁴, "провинциально-мещанской"¹⁵ школы. В данном случае уместно напомнить, что в комментариях к Гейне вряд ли стоило игнорировать тот факт, что сам Гейне, говоря непосредственно о политических взглядах и о политической деятельности Уланда, уже в "Романтической школе" назвал его "ревностным представителем прав народа, смелым поборником гражданского равенства и свободы духа"¹⁶. Ни одного из немецких романтиков Гейне такой высокой оценки не удостоил.

Из всего вышесказанного очевидно, что представляемая диссертация о поэзии Уланда - первая в советском литературоведении - не могла с уверенностью опереться на уже разработанную научную марксистскую концепцию эволюции творчества Уланда и

14. Гейне Г. Избранные произведения. М., 1950, с. 974 (комментарии Я.М. Металлова к поэме "Атта Троль").

15. Гейне Г. Полное собрание сочинений в 12 т. Т. 2, М.-Л., 1948, с. 408 (комментарии А. Дейча к поэме "Атта Троль"). См. также комментарий Н.Я. Берковского к "Швабскому зеркалу": Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7, с. 471-474.

16. Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6, с. 262.

его отношения к "швабской школе"¹⁷. Удовлетворительной общей концепции поэтического творчества Уланда (не говоря уже о "швабской школе") не удалось обнаружить и в полуторавековой истории буржуазных оценок Уланда. Учитывая необходимость ограничения объема диссертации, мы вынуждены были сконцентрировать особое внимание на двух проблемах, представляющихся наиболее важными при создании целостной общей концепции развития творчества Уланда. Одна из них — определить истоки художественного метода поэзии Уланда, указать на неотъемлемые составные части этого метода в их развитии, вскрывая уже тем самым эволюцию художественного метода и его специфику.

Вторая проблема неразрывно связана с первой и призвана дополнить и углубить ее. Это — проблема научной периодизации творчества поэта, которая еще не разрешена в литературоведении. При установлении периодизации мы стремились учитывать связь и соотношение в развитии творчества писателя его мировоззрения, эстетических взглядов и художественного метода.

Ясный ответ на вышеозначенные вопросы представляется на данном этапе более важной исследовательской задачей, чем выявление всей полноты художественных возможностей и достоинств поэзии Уланда на каждом из этапов ее развития. Значительный акцент на выявлении соотношения политических взглядов, эстетики и художественного метода поэзии Уланда был особенно необходим потому, что именно неизученность этого соотношения во

¹⁷ См. также: Шидлер Ф.П. Генрих Гейне. М., 1962, с. 185. Самарин Р.М. Уланд и "швабская школа". История немецкой литературы, т. 3, с. 256.

многом завела в тупик буржуазных исследователей поэзии Уланда, как правило, не замечавших существенных различий всех этих трех взаимосвязанных компонентов и нередко судивших о поэзии Уланда только по его эстетическим и политическим взглядам.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения. Введение развивает и обосновывает вышеназванную проблематику, прослеживает историю оценок поэзии Уланда в критике и литературоведении, заостряет внимание на сильных и слабых сторонах отдельных исследований.

Каждая глава состоит из двух частей, в которых рассматриваются отдельные периоды развития поэзии Уланда. При этом проблемный и тематический анализ поэзии мы по возможности старались сочетать с систематическим изложением материала в хронологической последовательности. При таком принципе изложения в ряде случаев все-таки пришлось для более полного и концентрированного исследования места того или иного жанра, темы или проблемы в поэзии Уланда первого и второго периодов творчества обращаться к примерам из более позднего творчества.

Для выяснения истоков художественного метода поэзии Уланда наиболее важное значение имеет анализ первого (1800-1804) и второго (1805-1813) периодов творчества, когда поэзия Уланда была наиболее открыта внешним влияниям и когда само направление его творческих поисков ограничивалось преимущественно сферой эстетической. Развитие поэтического таланта Уланда в первом и во втором периодах творчества рассматривается в диссертации как процесс активного ученичества в самом высоком

смысле этого слова; при этом мы старались акцентировать внимание на тех новых качествах, которых поэзия Уланда рано или поздно, но почти всегда достигала.

Первая глава. Исследованию первого периода творчества Уланда посвящен ряд специальных работ¹⁸, но внимание ученых, как правило, акцентировалось на выяснении различного рода влияний и заимствований. В связи с поставленной в настоящей диссертации проблемой генезиса художественного метода поэзии Уланда мы стремились не столько к исчерпывающему описанию всего круга влияний и заимствований, сколько к выявлению ведущих тем и проблем ранних произведений поэта, уточнению основных источников их стиля и содержания и к определению значения найденных в раннем творчестве жанров, тем, идей и художественных приемов для дальнейшего развития поэзии Уланда. При таком подходе обнаружилось, например, что исследователи Уланда не обратили внимание на значение античной истории, мифологии и литературы для его творчества, в то время как даже зарождение самого жанра баллады в поэзии Уланда (Marius auf Karthagos Trümmer, 1801) связано с античной историей, а не со средневековьем как это утверждалось в достаточно авторитетных исследованиях¹⁹. Здесь же мы указываем и на другие существ-

18. Mayne H. Uhlands Jugenddichtung. Diss. Berlin, 1899; Naegle E. Uhlands Jugenddichtung. Tübingen, 1903; Sintetis F. Goethes Einfluss auf Uhland. Dorpat, 1871; Haag H. Ludwig Uhland. Die Entwicklung des Lyrikers und die Genesis des Gedichtes. Stuttgart und Berlin, 1907; Moser H. Schwabische Vorromantik. In: Euphorion, 47. Band, Heidelberg, 1953.

19. Schneider H. Uhlands Gedichte und das deutsche Mittelalter. Berlin, 1920.

венные моменты связей поэзии Уланда с античностью - вплоть до таких баллад, как "Die Bildsäule des Bacchus" (1814) и "Verwaschen" (1829), утверждающих свое место рядом с лучшими балладами Гете и Шиллера на античные темы.

При уточнении истоков стиля и содержания стихотворений Уланда 1800-01 гг. особо подчеркивается глубокое влияние, которое оказала на развитие поэзии Уланда идеализация "сельской жизни", характерная для подавляющего большинства просветителей. Мы старались показать, как влияние поэзии А. Галлера, С. Геснера и других поэтов-идилликов XVIII века (влияние антифеодальной "идиллии" И.Г. Фосса сказалось позднее) постепенно сливалось в творчестве Уланда с влиянием сентименталистов (Ф. Маттиссон и др.), с романтической концепцией "единой народной души" и не в последнюю очередь подкреплялось романтическими положениями эстетики Уланда 1805-07 гг. и его с годами все углубляющейся любовью к родной швабской природе.

После поступления в Тюбингенский университет в 1801 году для Уланда открывается период активного знакомства со средневековьем в различных его аспектах. Связи Уланда со средневековьем - область относительно изученная в литературоведении (работы Г. Шнайдера²⁰, Э. Шмидта²¹, Х. Мозера²² и

20. Кроме вышеназванной (примеч. 19) книги см.: Schneider H. Uhland und die deutsche Heldensage. Berlin, 1918; Schneider H. Uhland. Leben, Dichtung, Forschung. Berlin, 1920.

21. Schmidt E. Uhlands "Märchenbuch des Königs von Frankreich". In: Sitzungsbericht der Königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1897, Bd. 2.

22. Moser H. Der Stammesgedanke im Schrifttum der Romantik und bei Ludwig Uhland. In: Festschrift für P. Kluckhohn und H. Schneider. Tübingen, 1948; Moser H. Uhlands Schwabische Sagenkunde. Tübingen, 1950.

др.²³), но все-таки при выяснении генезиса ранних стихотворений Уланда на средневековую тематику представлялось необходимым дополнить ценные наблюдения Г. Шнайдера, установившего зависимость ранних баллад Уланда от "Истории лангобардов" Павла Диакона, "Деяний датчан" Саксо Грамматика, рыцарских романов Шписа, Вульпиуса и Крамера, "Саг старого времени" Вейта Вебера (Wächter) и от других источников, стилистическими сопоставлениями с "Песнями Оссиана" Макферсона и "Песнью о графе фон Фалькенштейне" Гете. Здесь же мы указываем и на необходимость более внимательного изучения связей поэзии Уланда с творчеством Гельдерлина.

В целом рассмотренный материал раннего творчества Уланда позволяет утверждать, что романтический метод Уланда, каким он предстает уже в 1805 году, не является результатом воздействия на него эстетики и поэтики иенских и гейдельбергских романтиков, как это нередко утверждалось в работах об Уланде. Источники его романтического метода достаточно многообразны и сводить их к какому-то одному довлеющему влиянию было бы научно неубедительно.

Во втором периоде творчества интересы Уланда находились преимущественно в сфере эстетической, непосредственно политическая проблематика в этот период его почти не интересовала. Тем важнее было проследить, как в процессе формирования творческих принципов и развития эстетических взглядов Уланд постепенно приходил к осознанию высокой общественной и политической

23. Moestue W. Uhlands nordische Studien. Berlin, 1902.

миссии литературы.

Эстетика Уланда, как и романтический метод его поэзии, формировалась на основе различных источников. основополагающим в эстетике и поэтике Уланда уже в 1805 году становятся понятия "народная поэзия" и "народная песня", представления о которых у него складываются в первую очередь под воздействием теоретических работ И.Г. Гердера, его же "Народных песен", "Сида", а также стихотворений Гете, написанных в народно-песенном стиле. Сами представления о "народной поэзии" и "народной песне" у Уланда определенное время оставались почти такими же широкими и расплывчатыми, как у Гердера. Идея Гердера о необходимости "воскрешения" памятников средневековой народной поэзии для того, чтобы вывести современную литературу и поэзию "на лучший путь"²⁴, стала одной из основополагающих в эстетике и поэзии Уланда. Значительное влияние на формирование творческих и научных интересов Уланда оказала работа Л. Тика "Любовные песни немецких миннезингеров" (1803), идеи которой не только усилили его интерес к немецкому миннезангу, но во многом определили круг творческой деятельности Уланда в Париже в 1810-11 гг. Мы старались показать, как в эстетических взглядах Уланда 1806-07 гг. влияние представления о "народной поэзии" Гердера встретилось с влиянием романтических идей Тика, в данном случае представляющего и эстетику иенской школы.

Сами понятия "романтизма" и "романтического" в эстетике Уланда формировались в первую очередь под влиянием "Начальной

24. Von Deutscher Art und Kunst. Leipzig, 1966, S. 47-48.

школы эстетики" (1804) Жан-Поль Рихтера, а затем уже философских и эстетических идей братьев Шлегелей.

Анализируя основные положения статей Уланда "Об объективной и субъективной поэзии" (1806), "О романтическом" (1807), "О сущности поэзии" (1807) и др., мы старались прежде всего уяснить значение его вполне цельной (а не эклектичной, как это нередко утверждается в работах об Уланде²⁵) эстетической программы для развития его поэзии. Характерно, что интерес к эстетическим и философским проблемам не являлся у Уланда самоповлекшим, а был обусловлен его стремлением выработать основополагающие принципы своего творчества.

Эти основополагающие принципы Уланд уже с 1804-05 гг. осмыслил в рамках Вюртембергского романтического кружка (Ю. Кернер, Г. Кёстлин, К. Майер и др., с 1809 года - Г. Шваб и др.), будучи одним из его организаторов и активных участников. С деятельностью этого кружка неразрывно связан весь второй период творчества Уланда. В рамках представляемой диссертации невозможно было дать развернутую характеристику Вюртембергского романтического кружка (1805-1813) и творчества его отдельных представителей, но в связи с эстетикой и творчеством Уланда второго периода мы стремились показать специфику этого кружка, его место в историко-литературном процессе в Германии и его существенные отличия от иенской и гейдельбергской школ. Следует однако, заметить, что действительно глубокое изучение Вюртембергского романтического кружка только еще начинается в

25. Schneider H. Uhland, S. 71-75.

германистике²⁶.

Философско-эстетическое определение романтической поэзии, сформулированное Уландом в 1807 году как "предчувствие бесконечного в видимом и воображаемом"²⁷, было достаточно абстрактным и позволяло ему подводить под эту формулу самое разнообразное содержание, связанное как с прошедшими историческими эпохами, так и с современностью. Во второй период творчества его особенно волновала проблема обогащения современной литературы сохранившимися сокровищами национальной народной поэзии и мифологии. И в широком понимании "романтической поэзии", и в интересе к народной культуре средневековья Уланд во многом воспринял и развил в своем творчестве эстетические идеи иенских романтиков, но усилия Уланда были прежде всего направлены на то, чтобы воплотить свои представления о "романтической поэзии" непосредственно в художественном творчестве. Поэзию Уланда по

26. Фундамент для основательного изучения этого кружка был заложен уже в диссертации Г.-О. Бургера (Burger H. O. Schwäbische Romantik. Studie zur Charakteristik des Uhlandkreises. Stuttgart, 1928), где крупным планом и с привлечением значительного числа рукописей были рассмотрены философские и эстетические взгляды и творчество Г. Кёстлина. Х. Мозер поставил вопрос о "швабских" истоках кружка. (Moser H. Schwäbische Vorromantik. In: Euphorion. 1953. Heidelberg, 47. Band). В 1961 году Б. Целлер смог наконец полностью опубликовать рукописный журнал тубингенских романтиков. (Das Sonntagsblatt für gebildete Stände. Eine Zeitschrift der Tübinger Romantiker. Nach der Handschrift hrsg. von B. Zeller, Marbach, 1961), но эта публикация только подтвердила необходимость дальнейшего исследования Вюртембергского романтического кружка, в который по нашим подсчетам входило не меньше 30 участников.

27. Uhlands Werke. Hrsg. von L. Fränkel. Bd. 2, Leipzig, 1893, S. 348.
4. 1234

сравнению с поэзией иенцев (братья Шлегели, Тик, Новалис) и гейдельбергцев (Брентано, Арним) отличает более органичная связь с национальной поэтической традицией и глубокий интерес ко всем прогрессивным движениям и веяниям эпохи. Этими моментами прежде всего и объясняется то новое, что Уланд, будучи романтиком, внес в сокровищницу национальной немецкой культуры. Хронологически (и типологически) Уланд был первым в замечательной плеяде поздних немецких поэтов-романтиков (Эйхендорф, В. Мюллер, Гейне, Шамиссо, Мёрике) — этим и объясняется его особое и ясно осознаваемое современниками положение в историко-литературном процессе в Германии в 1810—30 гг.

Абстрактно-философскую и в конечном счете не оправдавшую себя идею Ф. Шлегеля о создании национальной мифологии "из сокровеннейших глубин духа"²⁸ Уланд уже в 1805—07 гг. переводит в совершенно конкретный план собрания, публикации и поэтической переработки всех затерявшихся и малоизвестных в то время памятников средневековой народной культуры, составной частью которой является и мифология. По словам Уланда даже в сохранившихся фрагментах народной поэзии проглядывает "неподдельное золото"²⁹. Сближаясь в своем интересе к народной поэзии с гейдельбергскими романтиками, Уланд тем не менее никогда не пытался превратить народную песню ни в средство пропаганды консервативных и реакционных политических убеждений (как Арним),

28. Шлегель Ф. Речь о мифологии. "Памятники мировой эстетической мысли". Т. 3. М., 1967, с. 255.

29. Uhlands Briefwechsel. Hrg. von J. Hartmann, Bd. I, Stuttgart und Berlin, 1911, S. 11.

ни модернизировать и подновлять ее (как Брентано)³⁰. В отличие от гейдельбергских романтиков, заметно тяготевших только к изучению национального фольклорного наследия, Уланд в своей поэзии стремился сохранить широту фольклористских интересов Гердера и универсализм в постановке общих философско-эстетических проблем "романтической поэзии" у иенских романтиков. Уланд старался "оживить" для современности не только памятники национальной немецкой и швабской средневековой народной культуры, но глубоко знал древнескандинавскую и старофранцузскую литературы (он был одним из зачинателей романистики в Германии), по первоисточникам и с большим интересом изучал испанскую литературу, занимался итальянской, английской литературами, изучал и португальский язык.

В диссертации мы стремились показать основные направления, по которым в поэзии Уланда происходило освоение средневековой европейской культуры, а также раскрыть некоторые черты жанровой и художественной специфики его произведений. При этом одной из важных задач мы считали создание объективной картины развития поэзии Уланда, ибо это развитие далеко не всегда протекало без осложнений. Очень широкое и абстрактное истолкование "романтической поэзии" явилось предпосылкой не только многих существенных достижений, но также и ряда издержек художественного метода поэзии Уланда, особенно ощутимых во втором периоде творчества. (В третьем периоде творчества более отчетливо обнаружилось противоречие политических взглядов Уланда).

30. Как филолог Уланд ближе всего стоит к братьям Гримм.

Весьма важным для характеристики творческих поисков Уланда второго периода творчества нам представлялось изучение специфической жанровой формы "оживления" средневековой истории и культуры, занимавшей довольно существенное место в поэзии Уланда. Эту жанровую форму, во многом выросшую из баллады, но все-таки существенно от последней отличающуюся, мы условно обозначили как "стихотворную новеллу" и старались уяснить ее место и значение для развития поэзии Уланда. Проблема "стихотворной новеллы" в поэзии Уланда практически до сих пор не привлекла внимание исследователей.³¹ Тем важнее было показать, что специфику многих баллад и балладных циклов Уланда невозможно правильно понять и объяснить без учета тех идейно-художественных возможностей "стихотворной новеллы", которые Уланд особенно отчетливо осознал при работе над "Старофранцузскими стихотворениями" (I810-II) и "Старофранцузским Декамероном" (I811-I6)³². Тяготение к реалистической новелле эпохи Возрождения обогащало поэзию Уланда элементами здорового народного юмора (Graf Richard Ohnefurcht, 1810; Junker Rechberger, 1811; Schwäbische Kunde, 1814; Graf Eberhard der Raueschebart, 1815) усиливало мастерство живописного поэтического повествования, наполняло изложение сочными реалистическими деталями.

31. Исключение составляет ценное исследование Э. Шмидта (Sitzungsbericht der Königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1897, Bd. 2).

32. Так Уланд в своем дневнике сам назвал "Сказочный альманах короля Франции". См.: Uhlands Tagbuch. 1810-1820. Hrg. von J. Hartmann. Stuttgart, 1898, S. 97.

Проблема "стихотворной новеллы" в поэзии Уланда — тема обширной самостоятельной работы. В диссертации пришлось ограничиться только общей ее постановкой и проиллюстрировать ее значение для развития поэзии Уланда прежде всего ссылкой на незаконченную поэму "Фортуна и его сыновья" (I814-I6), которая в настоящей диссертации анализируется и как результат существенного влияния на Уланда прогрессивных сторон романтического движения в Германии и в Европе.

В этой же главе рассматривается и проблема "народной песни" (и народной баллады) в поэзии Уланда, намечаются основные этапы развития этого жанра в его творчестве, указывается на значение "Волшебного рога мальчика" Арнима и Брентано и проводится иллюстративный анализ содержания отдельных

стихотворений Уланда, написанных в жанре народной песни.

Важное место в главе занимает анализ отношения Уланда к средневековью, конкретное рассмотрение различных функций средневековья в балладах и стихотворениях Уланда. Мы старались показать, что идеализация средневековья вовсе не обязательная черта всей поэзии Уланда. И во втором (Die drei Lieder, 1807 и др.), и в третьем (Des Sängers Fluch, 1814 и др.), и в четвертом (Lerchenkrieg, 1847 и др.) периодах творчества Уланд постоянно создавал стихотворения, где средневековье изображалось в его неприглядной и кровавой жестокости. Идеализации средневековья во многих балладах Уланда заметно препятствовало наличие в них струи здорового народного юмора, не позволяющего всерьез принимать описываемые доблести и подвиги

средневековых героев. Этот автор ий юмор иногда переходил в очевидную иронию, которая недвусмысленно снимала романтическое настроение предшествующих строф (*Junker Rächberger*, 1811 и др.). Таким образом Уланд в своей поэзии совершенно очевидно предвзял романтическую иронию Гейне.

Элементы идеализации средневековья, сохранявшиеся в поэзии Уланда, далеко не всегда следует оценивать отрицательно. Нужно в каждом отдельном случае отчетливо представлять себе, что, как и почему Уланд идеализирует. Мы выделяли группу баллад Уланда о Роланде, Зигфриде, Карле Великом и Вильгельме Телле и определили, что в этих образах он воспел прежде всего народных героев, прославил те их качества, которые и до него уже были запечатлены в народных легендах, песнях и в памятниках средневекового народного героического эпоса. Качества эти: смелость, отвага, выдержка, мужество, любовь к свободе, к своему народу, нравственная чистота, Уланд не был антиисторичен, создавая подобные образы, — он хотел напомнить своим современникам об этих качествах и об этих народных героях. Напомнить, исходя прежде всего из народных позиций и из сложившегося веками народного отношения к этим героям.

Уланд постоянно создавал в своей поэзии возвышенные, а иногда и идеализированные образы средневековых поэтов: трубадуров и миннезингеров, Данте и Петрарки, легендарного Тальефера, Бертрана де Борна и наконец, символического Певца в балладе "*Des Sängers Fluch*". Мы старались показать, что образы средневековых поэтов представляют собой лишь опреде-

ленное звено одной из самых значительных тем поэзии Уланда — темы поэта и поэзии и их места в жизни общества. Первое стихотворение на эту тему "*Der Dichter*" он написал в 1802 году, последнее "*Ihr fordert, dass ich Lieder singe*" — в 1859 году. Основательный анализ только одной этой темы в поэзии Уланда дает довольно точное представление о главных этапах его творческого развития, что мы и пытались показать в диссертации, раскрывая по ходу анализа и значение образов средневековых поэтов в рамках означенной темы и в масштабах всей поэзии Уланда. Здесь важно было подчеркнуть демократические черты исходных представлений Уланда о задачах поэта и поэзии, позволившие ему уже в рамках второго периода творчества подготовить эстетические и философские основания для провозглашения высокой гражданской миссии поэта и поэзии в обществе, утверждаемой Уландом в третьем (*An das Vaterland*, 1814; *Die neue Muse*, 1816; *Des Sängers Fluch*, 1814 и др.) и в четвертом (*Mickiewitz*, 1833; *An Freiligrath*, 1844 и др.) периодах творчества. В обеих главах диссертации анализируется также художественное содержание отдельных характерных стихотворений Уланда о поэте и поэзии (*Taillefer*, 1812; *Des Sängers Fluch*; *Mickiewitz* и др.). В главе указывается также и на некоторые другие элементы идеализации средневековья в поэзии Уланда.

В т о р а я г л а в а . Третий период творчества. 1814—1828. Национальный подъем и освободительная война 1813 года в Германии вывели Уланда из сферы преимущественно эстетических исканий на широкий простор общественной и политиче-

ской деятельности. В поэзии эта переориентация отчетливо выразилась только в начале 1814 года - во второй части стихотворения "Gesang und Krieg", где прямо и со ссылкой на Эсхила, Данте и Сервантеса провозглашается необходимость активного и непосредственного участия поэта в политической борьбе своего времени:

Wann: Freiheit! Vaterland! ringsum erschallet,
Kein Sang tönt schöner in der Männer Ohren,
Im Kampfe, wo solch heilig Banner waltet,
Da wird der Sänger kräftig neugeboren.

33

Если второй период творчества характеризуется в настоящей диссертации как преимущественно эстетический, то третий период, на наш взгляд, правильнее будет обозначить как период преимущественно политической деятельности и политической лирики - в соответствии с теми существенно новыми качествами и проблемами, которые в этот период так заметно отличают поэзию Уланда. Это утверждение вовсе не означает, что Уланд в этот период отказался от дальнейших эстетических поисков. Но, с другой стороны, видимо не случайно и то, что и поэма о Фортунате и "Старофранцузский Декамерон" не были написаны Уландом даже до половины - их проблематика оказывалась все-таки слишком далекой от политических боев современности, в которые активно включается и поэзия Уланда.

Мы стремились показать, что в развитии идейно-политических взглядов Уланда в третьем периоде творчества существенную роль сыграли духовное наследие Великой Французской революции 1789-94 гг., национальный подъем в Германии 1807-13 гг.

33. Uhlands Werke in 8 Bd. Hrsg. von W. Reinöhl. Leipzig, 1914. Bd. I, S. 105.

и внутривнутриполитическая борьба в Вюртемберге 1815-19 гг.

Анализ поэзии Уланда третьего периода потребовал дифференцированного рассмотрения непосредственно политической программы Уланда, с которой он вступил в конституционные бои в Вюртемберге, программы сторонников "старого, доброго права", непосредственно отразившейся в группе "Отечественных стихотворений" (1815-19), общественно-политической программы всей политической лирики Уланда второго периода и общественной программы этих лет, выводимой из его совокупного поэтического творчества этого периода. Существенные различия всех этих программ до сих пор не были определены в литературоведении, что нередко приводило к заметной путанице и к очевидной подмене одного другим. Мы обнаружили, что противоречия политических взглядов Уланда этих лет наиболее заметно отразились в "Отечественных стихотворениях", преследовавших тактические и пропагандистские цели, и почти не сказались на произведениях, органически продолжающих эстетические искания второго периода (в главе анализируется идейно-художественное содержание баллад "Der Sängers Fluch" и "Die Mähderin", 1815).

Одной из сложных проблем истолкования всего творчества Уланда является правильное понимание того факта, что его стремление сохранить неразрывную связь с национальной историей и с национальной культурной и общественно-политической традицией, сделать их неразрывной составной частью современной ему общественной и культурной жизни обусловило как многие художественные достижения его поэзии, так и ее определенные противоречия, отчетливее всего проявившие себя в поэзии именно в

третьем периоде творчества.

Неприятие буржуазной монархии и отрицательных сторон буржуазной цивилизации (которое Уланд разделял почти со всеми романтиками) заставляло его, особенно на первых порах политической деятельности, эклектически соединять самые радикальные демократические требования Французской революции (полная свобода печати, всеобщее вооружение народа, уничтожение сословных перегородок и т.д.) с требованием сохранить "небуржуазную" средневековую вюртембергскую конституцию 1519 года. Основным смыслом последней заключался для Уланда в том, что полномочия правящего герцога не являлись само собой разумеющимися, "божественными"³⁴, а по истечении определенного количества времени определялись специальным договором между герцогом и представителями вюртембергских сословий.

Раздробленность Германии и наступившая реакция быстро угасили возникшую было в период освободительной войны 1813 года надежду на возможность национального единства и волей-неволей ограничили рамки политической деятельности Уланда узкими горизонтами Вюртемберга. "Отечественные стихотворения" Уланда вызвали достаточно широкий отклик в Германии, но этот интерес к ним можно назвать своего рода экзотическим³⁵, потому что средневековое "старое, доброе право" сохранялось только в одном Вюртемберге. Уланд быстро осознал локальный характер своей

34. *Uhlands Werke* in 8 Bd. Bd. 8, S. 35-36.

35. Даже В.А. Жуковский, проведший несколько дней в Штутгарте в 1821 году при возвращении из Швейцарии в Берлин, считал необходимым отметить в своем дневнике: "5 октября. О здешней конституции". См.: Бычков И.А. Дневники Жуковского. СПб., 1903, с. 157 и сл.

политической программы и пытался хотя бы в границах Вюртемберга осуществить свои идеалы "добра" и "права". В 1820-26 гг. он был одним из самых активных депутатов вюртембергского ландтага. Но к концу этой своей первой парламентской деятельности он испытал в ней острое разочарование. Десять лет жизни (1815-25), во многом отданных общественной и политической борьбе, не принесли почти никаких ощутимых результатов. В Европе торжествовала реакция, в Германии по-прежнему отсутствовало национальное единство и подлинные демократические свободы. Свое разочарование Уланд выразил в стихотворении "In ein Stammbuch" (1825), первые восемь строк которого по своему философскому содержанию отчетливо перекликаются с одним из лучших стихотворений Шамиссо "Инвалид в сумасшедшем доме" (1827) и выражают крушение демократических надежд патриотов 1813 года. Остальная часть стихотворения представляет во многом своего рода философский ключ ко всему последующему творчеству и политическому развитию Уланда.

In ein Stammbuch.

Die Zeit, in ihrem Fluge, streift nicht bloss
 Des Welkes Blumen und des Faldes Schmuck,
 Den Glanz der Jugend und die frische Kraft:
 Ihr schlimmster Raub trifft die Gedankenwelt.
 Was schön und edel, reich und göttlich war
 Und jeder Arbeit, jeden Opfers wert,
 So zeigt sie uns so fahlos, hohl und klein,
 So nützlich, dass wir selbst vernichtet sind.
 Was dennoch wohl uns, wenn die Asche trenn
 Von Funken hegt, wenn das getauschte Herz
 Nichtmüde wird, von neuem zu erglühn!
 Was Rechte doch ist eben diese Glut,
 Das Bild ist höher, als sein Gegenstand,
 Der Schein mehr Wesen, als die Wirklichkeit.

Wer nur die Wahrheit sieht, hat ausgelebt;
Das Leben gleicht der Bühne: dort wie hier
Musse, wann die Täuschung weicht, der Vorhang fallen.

36

Четвертый период творчества (1829-1861) Уланда - наиболее интересный и показательный с точки зрения эволюции и завершения идейно-художественных возможностей его поэтического творчества - в то же время до сих пор остается наименее изученным.

Глубокое разочарование в общественном развитии Германии после 1815 года приводят поэта, с одной стороны, к мысли о возвращении к эстетическим исканиям юности, т.е. к отключению поэзии от сферы политики. Мир поэзии снова временами начинает казаться Уланду выше и прекраснее неприглядной немецкой действительности (*Der Lohn*, 1829). На этой линии лежат точки соприкосновения Уланда с "веймарским классицизмом" Гете и Шиллера (*Der Zauber* 1829; *Der Waller*, 1829; *Das Glück von Edenhall*, 1834). Но с другой стороны, оторвавшись на демократической волне национального подъема 1813 года от эстетических исканий предшествующего периода, Уланд хочет любой ценой сохранить верность общенациональному демократическому наследию освободительных войн в Германии. Жизнь поэта с отчетливостью доказывает, что он свято берег эту "искру" и активно включался в общественную жизнь всякий раз, когда в Вюртемберге и в Германии возникала реальная возможность широкого демократического движения. Французская революция 1830 года и надежда на оживление общественной жизни в Германии заставляют его отказаться от профессуры в университете и снова окунуться

36. Ulands Werke in 8 Bd. Bd. 1, S. 90-91.

в политическую борьбу. В 1833-38 гг. он являлся одним из самых левых и демократически настроенных членов вюртембергского ландтага. В 1838 году гневной речью против закона об усилении мер наказания к так называемым "политическим преступникам" заканчивается и этот период общественной активности Уланда.

Его политическая лирика этих лет представлена меньшим количеством стихов, чем в 1814-19 гг., но из нее полностью исчезают черты декларативности, популяризаторства и локальной суженности, которые можно обнаружить в его политических стихотворениях третьего периода. Собственно политическая лирика Уланда четвертого периода открывается стихотворениями "Mickiewitz" (1833) и "Wanderung" (1834), последнее из которых, как особенно наглядно характеризующее идейно-эстетические позиции Уланда 1830 гг., анализируется в диссертации более подробно. Уже одного этого стихотворения, сюжетно и идейно предвещающего замечательную сатирическую поэму Гейне "Германия" (1844), могло бы быть достаточно для уяснения того, что подлинное место поэзии Уланда в историко-литературном процессе 1830-х гг. в Германии - рядом с Шамиссо и Гейне, а не в составе "швабской школы".

Если в 1815-25 гг. Уланд прежде всего интересовался сохранением демократических свобод в Вюртемберге, то к 1830-м годам он отчетливо понимает, что Вюртемберг - всего-навсего одна из малосамостоятельных частей Германского союза (с 1815), где ведущая роль принадлежит реакционным правительствам Пруссии и Австрии. Вюртембергскому ландтагу не удалось отстоять

даже свободу печати, предусмотренную конституцией, потому что Карлсбадские постановления 1819 года "распространяли на все германские государства режим свирепого полицейского террора".³⁷

Ввиду принципиальной важности общей идеологической оценки творчества Уланда четвертого периода и недостаточной изученности его в литературоведении представлялось необходимым хотя бы в общем виде проследить развитие политических взглядов Уланда в 1830-40 гг. Тем не менее мы стремились дать наглядное представление о новых качествах поэзии Уланда в эти годы. В баллады Уланда, начиная с 1829 года (*Merlin der Wilde, Die Leier* и т.д.), заметнее включается лирическое и философское "я" самого художника. Богаче и разнообразнее становится художественная символика поздних баллад (*Der Zauberer*, 1829; *Das Glück von Eidenhall*, 1834; *Lerchenkrieg* и др.). Из поэзии Уланда совершенно уходят простонародные элементы, характерные для ряда стихотворений второго и третьего периодов, само же качество народности углубляется, ибо ведущим моментом становится не подражание форме народной песни и не усвоение бытующих в народе верований (а в отдельных случаях и предрассудков), но глубоко национальное и демократическое по своей сути художественное содержание. "Образность становится красочнее, глубже, символичнее, многозначительнее"³⁸.

В качестве характерного примера, помогающего понять художественную специфику позднего творчества Уланда, в главе более

37. Германская история в новое и новейшее время. Т. I, М., 1970, с. 208.

38. Froeschle H. Ludwig Uhland und die Romantik. Köln-Wien, 1973, S. 100.

подробно анализируется баллада "*Lerchenkrieg*". Здесь же ставится и вопрос об обогащении романтического метода позднего Уланда довольно существенными элементами, характерными для поэтики реализма. Особенно тяготеет к реализму политическая лирика Уланда 1840-50 гг. - резкой критикой различных сторон немецкой действительности, трезвым восприятием исторических событий. Но свои политические стихи 1840-50 гг. Уланд не опубликовал, так и не найдя в себе внутренних сил, чтобы публично выступить в рядах немецких революционных демократов - Гервега, Веерта и Фрейлиграта; его сатира и ирония в эти годы не достигла и разящей разоблачительной силы сатиры и иронии Гейне. Сохранив до конца жизни верность демократическим идеалам общенационального подъема 1813 года, Уланд через всю жизнь пронес и романтически - нерасчлененное представление о народе. Но если в политических взглядах и в политической деятельности Уланда романтические иллюзии давали себя знать вплоть до поражения революции 1848-49 гг., которое Уланд назвал "крахом национальных надежд"³⁹, то из его поэзии эти иллюзии уже в 1830-е годы исчезли окончательно, уступив место горькому и нередко ядовитому скепсису. Однако тот факт, что Уланд не видел более далеких перспектив общественного развития, отразился не только на его политических взглядах и мировоззрении - его политическая поэзия четвертого периода в целом лишена элементов конкретно-исторического оптимизма, присущих творчеству революционных демократов. В этом последнем моменте мы видим одно из подтверж-

39. В письме А. фон Гумбольдту 2. XII. 1853 г. См.: Uhlands Briefwechsel, Bd. 3, S. 74.

чений выдвинутого в диссертации тезиса о том, что наиболее прогрессивный и благотворный вклад Уланда в развитие немецкой поэзии был сделан им до середины 1830-х годов, т.е. до того, как возникла сама проблема так называемой "швабской школы".

В заключении мы стремились раскрыть довольно существенные расхождения между эстетическими позициями Уланда и художественным методом его поэзии. Эстетика Уланда оказалась очень строгим цензором на путях его поэзии к читателю. В заключении рассматриваются прежде всего два наиболее важных следствия этой авторской "цензуры", которые способствовали успеху и популярности поэзии Уланда в XIX веке и значительно затрудняют доступ к ней современному читателю.

Первое из этих следствий заключается в особенностях структуры сборника "Песен и баллад" Уланда, созданной в 1814 году и во многом отражавшей его абстрактно-теоретическое представление о "романтической поэзии" как "о предчувствии бесконечного в видимом и воображаемом". Возросшие идейные и эстетические потребности многих современных читателей такая метафизическая формула (точнее: ее истолкование Уландом) уже далеко не всегда может удовлетворить, а структура сборника, тщательно разработанная поэтом, невольно заставляет следовать за его эстетической формулой и отчасти разрушает впечатление от самих стихотворений, по сути своей к этой формуле вовсе непрichастных. Во-вторых, Уланд оставил лежать в черновиках (и запретил публиковать после своей смерти) почти половину своего стихотворного наследия. Для литературоведов эти рукописные стихи стали в полном объеме доступны только после критического издания Э.Шмидта и Ю.Харт-

мана)⁴⁰, массовый же читатель и до сих пор продолжает практически пользоваться сборником, пропущенным сквозь собственную цензуру Уланда⁴¹.

В процессе исследования мы старались показать, что рукописные стихи Уланда по своим идейно-художественным достоинствам нередко превосходят стихи, отобранные самим поэтом в свой сборник. Однако проблема соотношения рукописного поэтического наследия Уланда и опубликованных им самим стихотворений как проблема соотношения его эстетики и художественного метода — слишком велика и многопланова, чтобы получить исчерпывающее разрешение в рамках настоящей диссертации.

В заключении мы указываем также на ряд других проблем, разработка которых представляется необходимой для дальнейшего изучения поэзии Уланда.

Приложение состоит из примечаний к диссертации и библиографии переводов произведений Уланда на русский язык.

40. Gedichte von Ludwig Uhland. Vollständige kritische Ausgabe auf Grund des handschriftlichen Nachlasses, besorgt von E. Schmidt und J. Hartmann. 2 Bde. Stuttgart, 1898.

41. Нам известна пока только одна серьезная издательская попытка изменить канонизированное представление о поэзии Уланда: Uhland L. Frühlingsglaube. Hrsg. von U. Berger, Berlin, 1974. Но и эту попытку, на наш взгляд, нельзя признать удачной. Стараясь "подтянуть" Уланда до уровня революционного романтика, У. Бергер исключил из своего издания многие из лучших и характерных стихотворений поэта, которые с его точки зрения не соответствуют концепции революционного романтизма. Тем самым У. Бергер значительно упростил творческий путь Уланда и картину развития его художественного метода.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. "Швабская школа" и Л. Уланд в оценке Генриха Гейне. "Вестник МГУ. Филология." М., 1975, № 6.
2. О понятии "швабская школа" в немецком романтизме. "Филологические науки". М., 1976. (В печати).
3. Уланд. "Большая Советская Энциклопедия". Издание третье. (В печати).
4. "Швабская школа". "Краткая литературная энциклопедия". М., т. 9. (В печати).
5. Генрих Гейне. К 175-летию со дня рождения. "Иностранные языки в школе". М., 1972, № 4.
6. Иоганн Вольфганг Гете. К 225-летию со дня рождения. "Иностранные языки в школе". М., 1974, № 6.
7. Рецензия на книгу: Г.Г. Вернер "История политического стихотворения в Германии с 1815 по 1840 гг." "Современная художественная литература за рубежом". М., 1971, № 5.
8. Реферат статьи: Деднер В. "Поэзия и идеология "сельской жизни" в немецкой литературе XVIII века." "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". (Реферативный журнал ИНИОН Академии наук СССР). М., 1974, № 2.
9. Реферат книги: Шторц Г. "Веймарский классицизм" и романтизм". "Общественные науки за рубежом. Литературоведение." М., 1974, № 4.
10. Реферат книги: Альбрехт М. "Гете и народная песня". "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М., 1975, № 2.
11. Реферат книги: Фрешле Х. "Людвиг Уланд и романтизм". "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М., 1975, № 4.
12. Реферат книги: Крабиль К.Д. "Традиция и движение. О специфике поэтического языка Эйхендорфа". "Общественные науки за рубежом. Литературоведение." М., 1976, № 1.
13. Реферат статьи: Трэггер К. "Истоки и значение романтизма". "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М., 1976, № 2.
14. Раннее творчество Уланда и немецкий романтизм. Тезисы доклада. Сб.: "Студенты Москвы - науке, культуре, производству". М., 1970.

Подп. к печати 20/II-76г. Ф. 60×90/16
 Физ. п. л. 2,0 Уч.-изд. л. 133 Заказ 1234
 Тираж 200 экз.

Изд-во Московского университета, Москва, К-9,
 ул. Герцена, 5/7.
 Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленгоры